

Ольбрыхский Даниэль

ИЗ ЭМПИРЕЕВ

Наталья
СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Экран и
сцена -
1995 - 12-19
окт - 96

Наши любимые артисты постепенно движутся к юбилеям — солидным, даже если лет не так-то много. Вот и вечный юноша Даниэль Ольбрыхский добрался до пятидесятилетия, повзрослел, потяжелел, посерьезнел. Смотреть на него сегодняшнего и радостно, и грустно. Потому что экран — не зеркало, которое в зависимости от нашего настроения может и слюскавить, и чего-то не заметить, и словно какой-то рябью подернуться, чтобы не выпирало то, что уже очевидно. Экран не упростишь быть почувствительнее — он все обнажает, укрупняет, выделяет. Потому, наверное, глядя на Даниэля Ольбрыхского, удобно расположившегося в уютном кресле собственного дома, очень красивого, со вкусом отделанного дома, видишь невольно себя, зрителя, к юбилею упорно приближающегося.

Татьяна Паухова, автор и ведущая передачи об Ольбрыхском, сознательно сделала акцент на том, что нам предстоит увидеть незнакомого знакомого, — годы сделали свое, и перед нами «предстает философ, интеллект, человек размышляющий, а юноша-спортсмен остался на экране и еще — в нашей памяти». И это, действительно, так, хотя и происходит с течением телевизионной передачи некий парадокс: память накладывается на реальность, заставляя невольно воспринимать Даниэля Ольбрыхского двойственно. Так, как воспринимают

собственные молодые фотографии с течением времени.

Те полтора десятилетия, что прошли для нашего кинозрителя почти без Даниэля Ольбрыхского, ознаменовались для польского актера признанием мировым; за всю свою творческую жизнь он снялся более чем в ста фильмах в Польше и на Западе, получил во Франции Орден Почетного легиона в области искусства и, таким образом, осуществил свою юношескую мечту, которой поделился с ведущей передачи: «Всегда хотел быть очень известным, чтобы мне аплодировали, чтобы меня везде узнавали, кричали «браво!»

В передаче со вкусом использованы кадры не просто известных фильмов, а именно тех, на которых мы приобщались к западному кинематографу, влюблялись в польское кино: «Пан Володыевский», «Пейзаж после битвы», «Все на продажу», «Березняк», «Барышни из Вилько». И замечательно щедро представлены театральные фрагменты — то, что видели лишь немногие из нас: «Гамлет», «Преступление и наказание». Не просто показаны, а прокомментированы Даниэлем Ольбрыхским, и сквозь этот комментарий предстают черты, быть может, самые дорогие в этом актере.

На экране — эпизод из спектакля Адама Ханушкевича «Гамлет», сцена принца и Гертруды, которую играла замечательная Зофья Куцувна. Ольбрыхский рассказывает о том, что перестал играть в этом спек-

Родом из Варшавы, сердцем поляк

такле, когда ему исполнилось тридцать лет, потому что почувствовал, насколько он изменился. Звучало интригующе. До тех пор, пока актер не рассказал: в какой-то момент репетиций королева-мать, не выдержав обвинений сына, ударила Гамлета по щеке. Миг — и Ольбрыхский-Гамлет дал ей ответную пощечину. В этом был для него (и для Ханушкевича, оценившего «находку») ключ к образу юноши, пережившего страшную трагедию, живущего на грани реальности и кошмара. Спустя пять лет этот эпизод «не работал»: «В тридцать лет я погладил бы ее по щеке, потому что воспринял бы пощечину матери иначе», — говорит Ольбрыхский.

Из этого маленького эпизода для меня родился пластический образ всей передачи, пытавшейся отобразить движение души актера. И это удалось — особенно в стыке двух моментов, когда Даниэль Ольбрыхский читал стихотворение Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» Он читал это стихотворение на кинофестивале в Москве в конце 60-х годов, совсем еще юный, по словам Мirona Черненко, не умевший ничего, кроме того, чтобы быть самим собой; он читал их сегодня с экрана — постаревший, многое понявший и узнавший, многому научившийся.

Признаюсь честно, никогда, пожалуй, Даниэль Ольбрыхский не принадлежал для меня к тем актерам польского кино, которых я числила «в первом ряду», которых считала главным пристрастием по театру и кино, но в телевизионной передаче о нем я словно ощутила те черты, которые были видны немногим, а стали очевидны для всех спустя десятилетия разлуки. И это большое счастье — словно физически ощутить движение чужой души во времени. Движение к тому, о чем говорил, думая о Шопене, польский поэт Циприан Норвид: «Родом из Варшавы, сердцем поляк, талантом — гражданин мира».

12.10.95